

Глава 6

Решив, что контракт свяжет Шэнь Гуханя и Е Цзиньюня, старейшины обратились лучами белого света и рассеялись, вернувшись к своим делам.

Глава секты Меча перед уходом бросил Е Цзиньюню несколько напутственных слов и лишь затем растворился в воздухе.

В просторном Зале Заседаний остались лишь они вдвоем.

Шэнь Гухань с интересом разглядывал юношу. Тот тщетно пытался скрыть настороженность — выходило похоже на молодого, диковатого, но оттого лишь более привлекательного зверька.

— Не идешь? — спросил Шэнь Гухань.

Сделав пару шагов к выходу, он обернулся: Е Цзиньюнь замер на месте.

Е Цзиньюнь сначала кивнул, а затем тут же качнул головой.

— Что такое? Боишься, что я тебя съем? — иронично вскинул бровь Шэнь Гухань, опустив взгляд к вспыхнувшим алым губам юноши.

Почувствовав на себе этот откровенный взгляд, Е Цзиньюнь сжал кулаки, но уже мгновение спустя разжал пальцы и с напускным безразличием улыбнулся:

— С чего бы?

Он ни на грош не понимал намерений Шэнь Гуханя, а собственных сил для отпора не хватало категорически. Оставалось лишь проявлять предельную осторожность и взвешивать каждый шаг.

Шэнь Гухань тихо усмехнулся. Изгоняющая хлад усмешка озарила его лик, словно весеннее дыхание, и на миг весь окружающий мир угас рядом с ним.

В народе говорили: «Неведом миру лик прекрасней, чем у того, чей белоснежный наряд соперничает с горными снегопадами». Но глядя на Шэнь Гуханя в его угольно-черных одеяниях, Е Цзиньюнь поневоле подумал, что тот затмевает любые сложенные поэтами строки.

— Дай руку, — протянул ладонь Шэнь Гухань.

— Зачем? — насторожился Е Цзиньюнь.

— Владения секты Меча необъятны. Неужто вознамерился идти пешком? — с мягким смешком ответил Шэнь Гухань, видя его колебания.

Однако Е Цзиньюнь в этом улыбчивом взоре померещилась неуловимая бесовщинка.

— Куда мы? — Е Цзиньюнь сделал шаг навстречу, но все же замер на безопасном расстоянии.

— Испытание не за горами. Или ты передумал скреплять контракт? — Шэнь Гухань с наигранным изумлением вскинул брови, а затем ухмыльнулся: — Или желаешь провести обряд прямо здесь?

— Вовсе нет...

Е Цзиньюнь осекся. Разумеется, заключение союза требовалось исключительно для восстановления циркуляции духовной энергии — без малейшего двусмысленного подтекста. Однако в интонациях Шэнь Гуханя сквозила явственная, дразнящая чувственность.

Вдоволь понаблюдав за смущенным донельзя юношей, Шэнь Гухань вдруг потерял к этой забаве интерес. Улыбка сошла с его лица, и он, направившись к ступеням, бросил через плечо:

— Идем.

Неожиданная перемена в поведении спутника отозвалась в груди Е Цзиньюня мимолетной тревогой. Задав в себе неловкость, он безмолвно последовал за ним.

Прошло несколько часов. Солнце медленно клонилось к западу, окрашивая небосвод в багровые тона.

Шэнь Гухань прищурил миндалевидные глаза и остановился, оглянувшись на Е Цзиньюня, отставшего на добрый десяток чжанов.

Юноша вымок до последней нитки — пот застилал глаза и струился по лицу.

Шэнь Гухань смотрел на него холодным, отрешенным взглядом. Со сгоревшей духовной основой тело Е Цзиньюня стало слишком хрупким — настолько, что на пути к бессмертию тот вполне мог согнуться сам, без посторонней помощи.

— Прости... заставил ждать, — тяжело дыша, выговорил Е Цзиньюнь, едва сдерживая дрожь в ногах. Извиняться за медлительность он не стал.

Закатные лучи озаряли его фигуру, придавая юноше настолько чарующе-живой вид, что сердце

Шэнь Гухань неожиданно пропустило удар.

Опять. Шэнь Гухань вновь потерял контроль над собой, поддавшись неизвестно откуда взявшемуся мороку. Он принялся пристально вглядываться в черты лица юноши, отчего тот почувствовал себя крайне неудобно.

— На что ты смотришь? — невольно поежился Е Цзиньюнь и отступил на шаг.

— Ни на что... — совладав с собой, отозвался Шэнь Гухань. — Устал?

Настроение старшего менялось с калейдоскопической быстротой: то снисходительное, то ледяное. Понять его мыслей Е Цзиньюнь не мог, а потому отрезал кратко:

— Сносно.

Шэнь Гухань прищурился, мягко улыбнулся и без предупреждения обвил рукой его талию.

Мир перед глазами Е Цзиньюня стремительно закружился, и уже в следующее мгновение они оказались в совершенно ином месте — благословенной обители, скрытой от посторонних глаз.

Разомкнув объятия, Шэнь Гухань окинул взором пещерную обитель. Это было его личное святилище на территории секты Меча — идеальное место для совершения таинства.

— Желаеть сперва омыться? — Шэнь Гухань указал на окутанный густым паром духовный источник. — Это пойдет на пользу твоему телу.

Е Цзиньюнь отрицательно качнул головой.

Шэнь Гухань нахмурил брови:

— Ты весь промок от пота.

Е Цзиньюнь удивленно хлопал глазами, пока до него наконец не дошло: тот попросту брезгует.

Напряжение юноши не укрылось от взгляда Шэнь Гуханя. Наблюдая за тем, как Е Цзиньюнь замер, нерешительно сжимая поясok и явно сомневаясь, стоит ли раздеваться, он фыркнул:

— Мы оба мужчины, к чему эти церемонии?

Впрочем, вопреки собственным словам, он так и не свел пронзительного взора с чужих рук.

То ли от избытка духовной энергии в пещере, то ли от накопившего возмущения щеки Е Цзиньюня вспыхнули ярким румянцем.

Шэнь Гуханя это мало заботило. Любоваться красотой — вполне естественная человеческая слабость.

В итоге Е Цзиньюнь, не раздеваясь, с головой погрузился в прозрачную гладь купели.

Над поверхностью воды клубилась густая духоносная дымка. В ее молочных волнах Е Цзиньюнь казался сошедшим с небес небожителем, однако в глазах Шэнь Гуханя он выглядел скорее очищенным корешком белоснежного лотоса — сочным, источающим едва уловимый, но манящий аромат, разжигающий аппетит.

Сохраняя бесстрастное выражение лица, Шэнь Гухань втайне находил происходящее все более забавным.

Подойдя к краю источника, он положил ладонь на плечо юноши и тихо шепнул:

— Не шевелись.

Омывшись, Е Цзиньюнь облачился в свободное черное одеяние. Он то и дело бросал на руки Шэнь Гуханя странные, смущенные взгляды, в которых сквозило глубокое замешательство.

Шэнь Гухань остался доволен произведенным эффектом. Взяв юношу за руку, он повел его в сокровенный покой для медитаций.

Ладонь Е Цзиньюня сохраняла характерные юношеские черты: изящные, четко очерченные суставы и тонкие мозоли на подушечках пальцев — след упорных тренировок. Она казалась твердой и сильной. Шэнь Гухань сжал ее с осторожностью, словно касался необработанного нефрита, хотя по ощущению это разительно отличалось от недавних прикосновений к иному... предмету.

Не удержавшись от искушения, он дразняще провел большим пальцем по чужой коже. Красивые, миндалевидные глаза Е Цзиньюня тут же взволнованно затрепетали, а в светлых зрачках мелькнула сумятица.

— Ты что делаешь? — вырвалось у Е Цзиньюня.

За обе жизни он оставался убежденным гетеросексуалом, и события последних минут повергли его в полнейший хаос, лишив привычной рассудительности.

Заметив, что юноша замер точно марионетка с оборванными нитями, Шэнь Гухань лишь едва заметно улыбнулся. Он продолжал размеренно поглаживать чужую кисть, слегка задевая пальцами его ладонь.

— Скоро ты закончишь? — напряженно буркнул Е Цзиньюнь.

Ему еще не приходилось заключать парные узы, но видеть чужие ритуалы случалось. Разве подобное таинство должно сопровождаться столь долгими прелюдиями?

В душе крепло подозрение, что над ним попросту глумятся... Ровно так же, как и несколько мгновений назад в купели.

Шэнь Гухань не торопился. Поглаживая его пальцы, он прищурился и спокойным, сдержанным тоном пояснил:

— Твой духовный корень разрушен. Я ищу уцелевшие духовные каналы. Не суетись.

— Нашел? — Е Цзиньюнь слегка вздрогнул: щекотные прикосновения становились невыносимыми.

Лишь спустя долгое мгновение Шэнь Гухань поднял взор. Заходящий свет падал на точеный профиль юноши, подсвечивая золотистый пушок на коже и капельки пота, выпавшие на переносице от напряженного самообладания. Разгладившуюся линию строгих бровей озарял мягкий отсвет. На губах Шэнь Гуханя мелькнула едва заметная улыбка.

— Сконцентрируйся, — неторопливо произнес он.

Е Цзиньюнь замлел, мысленно проклиная себя за то, что вновь попался на чужую уловку.

— Закрой глаза и слушай меня, — с безупречно серьезным видом, точно благочестивый наставник, велел Шэнь Гухань.

Зачем при скреплении союза закрывать глаза, Е Цзиньюнь не понимал, но, глядя на суровый лик спутника, все же подчинился.

Убедившись в его послушании, Шэнь Гухань начертал в воздухе невидимый символ и тоже смежил веки.

Сжав правой рукой его ладонь, он направил свое духовное сознание прямо в море души Е Цзиньюня.

Море души Е Цзиньюня сияло чистым золотым светом. Приняв бесплотный человеческий облик, Шэнь Гухань завис над этими сияющими водами и властно взмахнул рукавом:

— Явись.

Из золотых глубин тут же соткался крошечный двойник Е Цзиньюня.

— Что со мной?.. — растерянно спросил крошечный двойник.

— Не отвлекайся, — Шэнь Гухань приблизился и протянул руку: — Дай ладонь.

Не дожидаясь ответа, он сам решительно сжал ручонку ментального двойника.

Стоило их сущностям соприкоснуться, как Шэнь Гуханя захлестнула волна невероятного, сладостного тепла. Однако не успел он насладиться этим чувством, как крошечный духовный образ Е Цзиньюня, истощив запасы сил, рассыпался и погрузился обратно в золотые глубины.

Покинув чужое сознание, Шэнь Гухань ощутил, как по жилам разливается жар. Подавив телесную сумятицу, он негромко произнес:

— Контракт Дао заключен.

Е Цзиньюнь, пришедший в себя одновременно с ним, выглядел куда менее собранным. Его лоб и переносицу покрывали мелкие капельки пота, переливавшиеся в лучах света и придававшие утонченным чертам юношеского лица особое, хрупкое очарование.

— Отныне наши судьбы переплетены, Е Цзиньюнь. Понимаешь ли ты это? — окончательно совладав с внутренним смущением, спросил Шэнь Гухань.

Е Цзиньюнь лишь отрешенно кивнул в ответ.

<http://bllate.org/book/20642/2109027>